

1981.
Камерный театр.

ИМЯ

МОСКВА

ВОСХОЖДЕНИЕ
НА МИТРИДАТ

ЖЕЛЕЗНОВА-РАНЕВСКАЯ

ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ

О ПУБЛИЧНОМ ОДИНОЧЕСТВЕ

В ЗАКОУЛКАХ ПАМЯТИ,
ИЛИ ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ
В АНТРАКТЕ

ФАИНА

РАНЕВСКАЯ

ИСТОРИЯ,

РАСКАЗАННАЯ

В АНТРАКТЕ

Настоящее
имя и отчество
Раневской –
Фаина
Григорьевна. Но
по сложившейся
привычке все
о окружающие
называли ее
Фаина
Георгиевна

ИМЯ

Раневская
в детстве.
Фото с братом

Теперь в этом доме на углу Конторской улицы и Донского переуллка, некогда принадлежавшем Егору Михайловичу Чехову, живут старики с растрепанными седыми бородами. Они ходят тут по темным, заставленным громоздкой мебелью коридорам, сидят на узких, дурно застеленных несвежим бельем кроватях, теснятся вокруг единственного стола, забираются на подоконники, но никогда не открывают окон, чтобы проветрить затхлый дух богадельни.

Отныне на всех дверных косяках этого дома прикреплены свитки со словами молитвы, которую при переходе из комнаты в комнату, из коридора на лестницу, что ведет в подвал или на улицу, читают старики: «Внемли, Израиль: Господь – Бог наш, Господь – один! И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всей душою твоей, и всем существом твоим».

Во время своего последнего посещения Таганрога Антон Павлович пришел к этому дому, купленному после отъезда его семьи в Москву Гиршем Хаимовичем Фельдманом. Долго стоял

перед наглухо закрытыми дверями, вспоминал, как в детстве забирался здесь на подоконник и при свете керосиновой лампы писал письма некоему Максиму Ардалионовичу или Мефодиевичу, сейчас уже и не вспомнит точно его отчества, думал о том, что прошлого не вернуть, потом брался за медную ручку двери, но тут же и отпускал ее.

Причем повторял это несколько раз...

Нет, войти в дом он так и не решился.

Затем развернулся и пошел по улице прочь, негромко разговаривая сам с собой: «Совсем Азия! Такая кругом Азия, что я просто глазам не верю. 60 000 жителей занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов — никаких... Куда ни явишься, всюду куличи, яйца, грудные ребята, но нигде ни газет, ни книг... Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны до чертиков... Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервные, чувствительны, но все это пропадает даром... Нет, не люблю я таганрогских вкусов, не выношу и, кажется, бежал бы от них за тридевять земель... Что отвратительно в Таганроге, так это вечно запираемые ставни. Впрочем, утром, когда открывается ставня и в комнату врывается масса света, на душе делается празднично».

Потом остановился, чтобы перевести дух, и прибавил: «Таганрог очень хороший город. Если бы я был талантливым архитектором, то сломал бы его».

Когда супруга Гирша Хаимовича Милка Рафаиловна узнала о том, что в Баденвейлере в возрасте 44 лет скончался Антон Павлович Чехов, то она горько заплакала. Просто не могла поверить в то,

Отец — Гирш
Хаимович Фельдман

Мать — Милка Рафаиловна
Заговайлова (Фельдман)

что теперь человека, который знал про эту невыносимо унылую жизнь все и описал ее, больше нет. Что отныне великая русская литература осиротела.

Прибывавшей в испуге на рыдания матери восьмилетней дочери Фаине Милка Рафаиловна так ничего и не смогла объяснить толком, разве что всхлипывала и давилась слезами, а на полу валялась газета с некрологом любимому писателю.

Через шесть лет, узнав о смерти теперь уже Льва Толстого, она закричит: «Как же теперь жить? Его уже нет. Все кончилось, все ушло, ушла совесть...»

И снова слезы, заламывания рук, истерические припадки, закончившиеся в конце концов для госпожи Фельдман нервным расстройством.

Купец первой гильдии, член правления и староста Таганрогской хоральной синагоги Гирш Хаимович (Григорий Самойлович) Фельдман был человеком иного склада — отец пятерых детей, правоверный иудей, поборник строгих законов еврейского брака, один из крупнейших на юге России торговцев черным металлом и азотистыми удобрениями, нефтепромышленник, владелец фабрики масляных и сухих красок, а также парохода «Св. Николай», на котором летом 1902 года произошла знаменитая встреча Толстого и Куприна.

Эту встречу Александр Иванович описал следующим образом: «Ясно помню чудесное утро, веселый ветер, море — беспокойное, сверкающее — и пароход «Святой Николай», куда я забрался за час до приезда Льва Николаевича. Он приехал в двуконном экипаже с поднятым верхом. Коляска остановилась. И вот из коляски показалась старческая нога в высоком болотном сапоге, ища подножки, потом медленно, по-старчески, вышел

—
Старшая сестра
Белла

он. На нем было коротковатое драповое пальто, высокие сапоги, подержанная шляпа котелком. И этот костюм, вместе с седыми иззелена волосами и длинной струящейся бородой, производил смешное и трогательное впечатление. Он был похож на старого еврея, из тех, которые так часто встречаются на юго-западе России.

Меня ему представили. Я не могу сказать, какого цвета у него глаза, потому что я был очень растерян в эту минуту, да и потому, что цвету глаз я не придаю почти никакого значения. Помню пожатие его большой, холодной, негнувшейся старческой руки. Помню поразившую меня неожиданность: вместо громадного маститого старца, вроде микеланджеловского Моисея, я увидел среднего роста старика, осторожного и точного в движениях. Помню его утомленный, старческий, тонкий голос. И вообще он производил впечатление очень старого и большого человека. Но я уже видел, как эти выцветшие от времени, спокойные глаза с маленькими острыми зрачками бессознательно, по привычке, вбирали в себя и ловкую беготню матросов, и подъем лебедки, и толпу на пристани, и небо, и солнце, и море, и, кажется, души всех нас, бывших в это время на пароходе».

Григорий Самойлович, бесспорно, отдавал должное великому писателю, но был слишком за-

Дом Гирша
Фельдмана в Таганроге.
Фото Елены Усачевой

нятым человеком, чтобы читать его многостраничные сочинения. Просто восхищался Толстым – и этого ему было достаточно.

Гирш Фельдман происходил из местечка Смиловичи Игуменского уезда Минской губернии (интересно, что они были земляками с великим живописцем Хаимом Соломоновичем Сутиным). Каким образом Гирш Хаимович очутился в Таганроге, нам неизвестно, известно лишь, что в 1889 году в возрасте 26 лет он женился на семнадцатилетней Милке Рафаиловне Заговайловой из местечка Лепель Витебской губернии.

Вскоре в семье начали рождаться дети, всего их было пять – Бейла (Изабелла), Фанни (Фаина), Лазарь, Яков, Рудольф.

Установленная еще при императрице Екатерине II и окончательно оформленная в «Положении об устройстве евреев» от 1804 года так называемая «черта оседлости» для лиц еврейской национальности и иудейского вероисповедания не стала для Гирша Фельдмана чертой преткновения и безнадёжности. Благодаря своему сильному и волевому характеру, своим деловым качествам и острому уму он довольно быстро пошел вверх по карьерной лестнице, а, войдя в купеческое сословие Екатеринодара и Екатеринослава, стал пользоваться большим уважением среди купцов и предпринимателей юга России.

К десятым годам XX века Фельдман стал одним из богатейших людей Таганрога.

События октября 1917 года он, как всякий деловой человек, встретил с недоверием, потому что понимал, что в наступившем хаосе всегда найдется место грабежу и бандитизму, а светлые идеи мировой революции нашел не более чем популистским бредом.

За что, впрочем, и поплатился.

Лингвист и переводчик Яков Иосифович Рецкер вспоминал: «Когда мы приехали в Таганрог, папу и его компаньона Григория Самойловича Фельдмана, отца Фаины Раневской, немедленно арестовали большевики. Посадили их в товарный вагон, и представитель ревкома явился к маме и сказал: “Мы их освободим, но только нам нужно сто тысяч. Вот вам срок – 24 часа”. Денег не было, но у мамы были, кажется, какие-то бриллианты. В общем, достали по 50 тысяч мы и семья Фельдмана. Помню, как я и мама поехали на вокзал. На запасных путях стоял этот вагон. Отец и Фельдман

сидели, хохотали. Стоял один часовой. Их никто не трогал. И, в общем, их освободили».

После подобного эксцесса решение пришло само собой, причем незамедлительно.

«Здесь больше делать нечего и оставаться тем более нельзя», — произнес он, и в 1919 году вместе со своей семьей через Румынию и Турцию морем Григорий Самойлович Фельдман выехал за границу.

Кстати, сделал он это на своем пароходе «Св. Николай».

На том самом, на борту которого Лев Толстой уходил из Ялты, а вместе с ним уже тогда, в 1902 году, по мысли Милки Рафаиловны, уходило все — ум, честь, благородство, совесть.

В России осталась только 23-летняя дочь Григория Соломоновича и Милки Рафаиловны Фанни Фельдман...

Впрочем, это будет еще очень нескоро, а пока юная Фаина сидит у окна и видит, как по Николаевской улице идет человек и разговаривает сам с собой.

Разумеется, она не слышит его слов, но окажись она рядом с ним, то совершенно бы согласилась с этим господином, чей портрет она увидит в 1904 году напечатанным в газете, что валялась на полу в комнате матери.

Сей господин говорит: «Не люблю таганрогских вкусов, не выношу и, кажется, бежал бы от них за тридевять земель... да, я мог убедиться, как грязен,

Юная Фаина с сестрой Беллой (слева) и братом (справа)

Молодая Фаина Раневская в Баку, 1920-е гг.

пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог. За все время пребывания здесь я мог отдать справедливость только следующим предметам: замечательно вкусным базарным бубликам, зернистой икре, прекрасным извозчикам... Остальное все плохо и незavidно... Мне хотелось бы пожить в Таганроге, подышать дымом отечества, да все некогда».

Таганрог Фаина находила городом своего отца – человека строгого и непреклонного, привыкшего все делать по-своему, не терпящего никаких возражений и абсолютно уверенного в том, что он точно знает, какой жизнью должны жить его дети.

Особенно девочки.

Первое – учеба, разумеется, в Мариинской женской гимназии ведомства императрицы Марии Федоровны (здесь учились София Яковлевна Парнок – впоследствии известный поэт и переводчик, сестра Чехова Мария Павловна). Однако четкий план Григория Соломоновича сразу дал осечку – к неудовольствию родителя, Фанни Фельдман была отчислена из гимназии за неуспеваемость после второго года обучения.

Второе – домашнее образование, традиционно взыскательное и патриархальное, сводимое к усвоению навыков, необходимых для правильного замужества, – кротость, хорошие манеры, рукоделие, игра на фортепиано, пение, освоение иностранных языков.

Для той надобности для девочки была нанята гувернантка – строгая, любящая во всем порядок и полное себе подчинение немка.

Понятно, что дружбы, и уж тем более любви, между ней и Фаиной не сложилось.

Оставаясь одна, девочка воображала себе, как эта Грета или Альбертина, или, может быть, Шарлотта, катаясь на коньках в городском парке, неудачно падала, ударялась затылком о лед и тут же умирала. Вокруг ее бездыханного тела тут же собирались зеваки, прибежал жандарм в каракулевой папахе и начинал размахивать руками, приказывая всем немедленно разойтись.

Потом несчастную накрывали мятой нечистой рогожей, укладывали на носилки и уносили в неизвестном направлении.

Фаина радовалась этому, но на следующий день снова видела перед собой эту Еву или Магду, которая могла отнять у нее недозволенную книгу, например, «Приключения Робинзона Крузо», и поставить в угол.

К строгостям гувернантки родители относились с пониманием, кто как не они хорошо знали о своенравном характере дочери, с которым надо было что-то делать.

Спустя годы Фаина Фельдман признается: «Училась плохо, гимназию ненавидела, арифметика была страшной пыткой, задачи решала, рыдая, ничего в них не понимая. Писать без ошибок так и не научилась. Считать тоже... Помню, что я вопила: “Пожалейте человека, возьмите меня из гимназии”».

Случались и порки. Так, например, когда я вместе со старшим братом Яковом однажды сбежала из дома и была поймана по дороге на вокзал городovým, дома нас ожидала порка, а не зажаренный упитанный телец, которым положено встречать блудных детей... Мне вспоминается горькая моя обида на всех окружавших меня в моем одиноком детстве».

Больше всего девочка любила то время, когда оставалась одна и могла, забравшись на подоконник, смотреть в окно, за которым протекала другая жизнь. Вернее сказать, та жизнь, которую она придумывала сама себе, наблюдая бредущих по улице неизвестных ей людей.

Вот, например, идет старый еврей в коротковатом расстегнутом драповом пальто, высоких болотных сапогах и шляпе. Его длинная седая борода заправлена за тонкий кожаный ремешок, которым он перепоясал косоворотку. Если бы этого старика увидела мама, то она бы, конечно, всплеснула руками и воскликнула, что он невероятно похож на писателя Льва Толстого, но это, разумеется, никакой не Лев Толстой.

А вот навстречу ему движется щекастый гимназист по фамилии Пичугин. На голове у него красуется форменная фуражка темно-синего цвета, над коротким, напоминающим клюв птицы козырьком которой сияет надраенный герб учебного заведения. Фаина давится от смеха и закрывает рот ладонью, потому что гимназист действительно похож на птицу семейства вьюрковых, такой же нахохлившийся и важный.

Поровнявшись со стариком в болотных сапогах, Пичугин церемонно кланяется ему, и старик, похожий на классика русской литературы, отвечает ему легким полупоклоном и едва заметной улыбкой, которая с трудом выбирается из непроходимых кущей его лохматой Моисеевой бороды.

Кстати, о Пичугине.